

07

6

ЕЩЕ НЕ ОКОНЧИЛАСЬ публикация «Лада» (Очерки о народной эстетике) Василия Белова, как появились первые отклики. Критика высоко оценила обстоятельность этого в полном смысле слова исследования русской культуры, его высокую художественность в описании жизни русского крестьянина. Появление «Лады» в какой-то степени закономерно. Возросшим вниманием, большим количеством публикаций по истории и культуре России было отмечено в прошлом году 600-летие Куликовской битвы. Среди этих работ значительным событием стали «Заметки о русском» академика Д. С. Лихачева, которые автор, кстати, начинает такими словами: «Очень много у нас пишется о наших корнях, корнях русской культуры, но очень мало делается для того, чтобы по-настоящему рассказать широкому читателю об этих корнях... Мы не знаем о себе самых простых вещей. И не думаем об этих простых вещах». Если бы чуть ли не одновременная публикация этих работ («Заметки» появи-

а второе — рациональное: «дорога стремилась быть короче и легче», хотя «нередко дорога эта бежала по пути с речной водой»), В. Белов пишет о «неуместных переправах», когда дорога «ошибалась... удлиняя свой путь... Но от этих ошибок нередко душа человеческая выигрывала нечто более нужное и неожиданное». Такими «переправами» писателю представляются народные промыслы, где «мастер назывался художником, художник мастером». Как образно выразился Белов, «незримые лавы ложились как раз на пересечениях материального и духовного, обязательного и желаемого, красивого и необходимого». Таким образом, материальная культура дана писателем в контексте культуры духовной.

Культура не существует вне человека. Он — сколок со всей культуры — несет в себе отпечаток целого. Понимание культуры как общего принципа ориентации мироощущений ее носителя определено в формулировке В. Беловым своей задачи: «Лада сначала разо-

на, показанного В. Беловым в «Ладе», и для типичного героя «деревенской прозы», персонажа литературного, такие добродетели, как любовь к труду, привязанность к земле, обусловлены всей сутью крестьянской жизни; труд землепашца созвучен природе, ее ритмам, от которых он зависит. Как пишет В. Белов (в главе «Круглый год»), «почти все трудовые дела сплелись у сельского жителя с природой, природа ритмична, одно вытекает из другого, и все неразрывно между собою. Человек всегда ощущал свое единство с природой. В союзе с нею он создавал сам себя и высокую красоту своей души, отраженную в культуре труда».

В свою очередь, роль природы в жизни крестьянина, его зависимость от нее формируют отношение к жизни и смерти «Младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, пора возмужания, зрелость, старость и дряхлость сменяли друг друга так же естественно, как в природе меняются, например, времена года: «Великая тайна рождения и увядания ежегодно сопутствует крестьянину с весны и до осени». Сравните это с высказыванием В. Распутина о мудром отношении его старух к смерти: «Думаю, что этому спокойствию их научил долгий жизненный опыт. Перед их глазами проходили посевы и жатвы, зима сменялась весной, осень роняла листву...»

Жизнь — это функция своего конца, и отношение к смерти формирует отношение к жизни, накладывая отпечаток на систему ценностей, которые лежат в основе мироощущения человека, представлений, которыми он руководствуется во всем своем поведении.

Отношение к смерти, по мнению В. Белова, является «...нравственным и, более того — философским принципом, по которому можно судить о народе». И, действительно, отношение к смерти среди прочих категорий культуры занимает особое место, так как «жизнь человеческая — это то, что находится между двумя великими тайнами: тайной нашего появления и тайной исчезновения. Рождение и смерть ограждают нас от ужаса бесконечности», но момент рождения — акт бессознательный, а «смертный грех» (даже такие категории, как труд и смерть, связаны между собой! — А. П.) человек встречает уже подготовленным жизнью, умеющим преодолевать физические страдания. Поэтому, несмотря на все многообразие отношения к смерти (сколько людей, столько смертей), существовало еще народное отношение к ней — спокойное и мудрое».

Можно было бы продолжить рассмотрение «Лады» и обратиться к другим сторонам культуры, другим ее категориям, но мы хотели бы уделить внимание еще не затронутому, но весьма существенному аспекту публикации: ее роли в современном литературном процессе, так как в критике еще не отмечена глубинная связь этого исследования с «деревенской прозой», не осознана роль «Лады» в постижении этого плодотворного явления советской литературы 60—70-х годов. А такой аспект рассмотрения «Лады» актуален потому что своеобразие материала обусловило некоторые художественные закономерности «деревенской прозы», устойчивый характер которых и вызвал противоречивое отношение критики.

В то время как «Лад» содействует формированию адекватного представления о своеобразии жизненного материала «деревенской прозы», а ведь именно роль материала важна не только для понимания этого стилистического течения, но и для любого факта литературы.

Такой вопрос актуален, так как герой — центральная проблема «деревенской прозы». На проблеме героя скрещиваются слагаемые освоения народного характера. А понятие «народный характер» во многом переосекается с пониманием культуры как модели мира. «Вселенной» человека, ее представляющего.

Значение «Лады» для постижения русской культуры, бесспорно, велико. Несомненно, «Очерки...» Василия Белова освещили и придали если не новое звучание, то новые обертоны такому понятию, как «народный характер». «Лад» В. Белова обновил его смысл и дал возможность по-новому взглянуть на новаторство «деревенской прозы».

Анатолий ПЕТРИК

ВЕКА И ДНИ

Размышления о книге Василия Белова «Лад»

лись в мартовской книжке «Нового мира» за этот год), то их можно было бы воспринять как диалог писателя и ученого. «Лад» Белова, публиковавшийся в журнале «Наш современник» (№№ 10, 12, 1979; № 3, 1980, №№ 1, 5, 6, 7, 1981), стал словно ответом Д. С. Лихачеву, воплощением его тезиса о том, что «национальные особенности — достоверный факт... Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности значит делать мир народов очень скучным и серым». Эти две работы как бы дополняют друг друга: обе обращены в прошлое, но их ретроспективность актуальна и направлена в настоящее и будущее. Своим образом «Заметок» обусловлено тем, что, как пишет автор, «...в течение всей жизни я занимаюсь русской литературой — древней в особенности — и русским фольклором. Этот мой жизненный опыт, как мне представляется, и заслуживает некоторого внимания». В «Ладе» Белова выражен иной жизненный опыт: «...я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам, либо знали и пережили близкие мне люди».

Несмотря на принципиально качественное различие в жизненном опыте, авторы во многом едины: «Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера. Человек — часть общества и часть его истории», — пишет ученый. Сравните это с высказыванием писателя: «Бережь надо память. Для памяти и пишу... Вне памяти, вне традиций истории и культуры, на мой взгляд, — нет личности. Память формирует духовную крепость человека». Жизнь крестьянина, обусловленная «стройностью и своевременностью всего, что необходимо и неминуемо свершалось между рождением и смертью», жизнь, в которой красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии, повлияла на выбор подзаголовка «Лада» — «Очерки о народной эстетике», хотя точнее здесь пользоваться таким более емким понятием, как культура, так как предметом «Лады» является традиционная русская крестьянская культура.

Культура включает в себя и материальное (чему отвел В. Белов немало места в своих «Очерках...»), и связанное с ним духовное начало. В. Белов рассматривает эти аспекты в диалектическом единстве, подчеркивая неразрывность всех сторон жизни, например, на отношении к труду, в котором «истинная красота и польза также взаимосвязаны: кто умеет красиво косить... накопится больше». Скажем, сравнивая образ реки и образ дороги (где первое представляет собой эмоциональное начало,

браться, как испокон крестьянская «вселенная» была устроена». Мы не случайно подчеркнули слово «вселенная»: «Лад» не только описывает все стороны крестьянской жизни, но и реконструирует картину мира крестьянина, его мироощущение.

В поэтически воссозданной «вселенной» крестьянина прочитывается четкая научная методология, базирующаяся на том, что в основе представлений носителя культуры лежат универсальные категории: отношение к труду, жизни и смерти, семье, родине, восприятие природы, времени, пространства и др. В различных эпохах эти категории имеют разное наполнение, но присутствуют непременно. Они связаны между собой, находясь в сложном взаимодействии, составляя единую систему, образ мира. Такое методологически научное категориальное мышление писателя позволяет сравнить это произведение («Лад» опубликован в разделе прозы) с культурологическими работами, например с исследованиями А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры», в котором проделан анализ-реконструкция модели мира средневекового человека. Но если ученый-медиевист, отделенный веками от объекта исследования, создавал идеализирующую абстракцию на материале дошедших до нас литературных и исторических памятников, то писатель, выходец из крестьянской среды, сам вращаясь культурой, которую он описывает, Гроз жизненных впечатлений, доскональное знание всех деталей крестьянской жизни позволили писателю пойти по пути конкретизации каждого из описываемых явлений, сцепления широких обобщений с конкретным жизненным материалом. Люди, ситуации, описанные в «Ладе», позволяют угадать прототипы героев литературных произведений В. Белова. «Незримые лавинки» (так называется одна из глав «Лады») легли меж «Очерками...» и прозой писателя, и это закономерно, так как жизненный опыт писателя послужил материалом как «Очерков...», так и собственно художественного творчества. Связующим звеном между художественной прозой и культурологическим исследованием является человек.

Каков же этот человек, ставший объектом художественного исследования в «Ладе» и в повестях, рассказах писателя?

Все аспекты «вселенной» крестьянина связаны между собой прежде всего потому, что «мир для человека был единое целое» («Лад»). Так и в литературе художественный образ — это не механическая совокупность отдельных признаков, черт, он целостен, а это делает крайне трудным выделение одних признаков, не упуская других и не нарушая связи между ними. Так, например, для крестьяни-